

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕРДИСКУРСА

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-172-186

А. А. Хабаров¹

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

ПОНЯТИЕ ИНТЕРДИСКУРСА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ПАРАДИГМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме дефиниции интердискурса информационно-психологической войны в эпистеме современной лингвистики с учетом цифровых реалий ведения противоборства в концептуальной сфере. В ходе систематизации теоретической базы исследования автором выдвигается гипотеза об антропогенном характере конструирования и трансформации модели поведения объектов воздействия в условиях осознанного выбора, что идентифицируется вербальными маркерами культивирования в дискурсе идеологических установок. Исследовательский фокус автора сконцентрирован вокруг коммуникативных, этнокогнитивных и социокультурных аспектов реализации вербального воздействия на сознание целевой аудитории в пространстве массмедиа и глобальной сети Интернет.

Ключевые слова: интердискурс, информационно-психологическая война, идеология, сознание, лингвокогнитивное манипулирование

A. A. Khabarov

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

THE CONCEPT OF INTERDISCOURSE OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR IN OF SOCIAL MANAGEMENT PARADIGM

The article is devoted to the problem of defining the interdiscourse of information and psychological warfare in the episteme of modern linguistics, considering the digital realities of the confrontation in the conceptual sphere. During systematization of the theoretical basis of the study, the author puts forward a hypothesis about the anthropogenic nature of the construction and transformation of the behavior model of objects of influence in conditions of conscious choice, which is identified by verbal markers of cultivation in the discourse of ideological attitudes. The author's research focus is concentrated around the communicative, ethnic, cognitive, social, and cultural aspects of the implementation of verbal influence on the consciousness of the target audience in the space of mass media and the global Internet.

Keywords: interdiscourse, information and psychological warfare, ideology, consciousness, linguistic and cognitive manipulation

¹ Артем Александрович Хабаров – кандидат филологических наук, докторант Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, lancelot567@mail.ru.

Онтология войн и вооруженных конфликтов человечества наглядно показывает, что на современном этапе развития цивилизации одним из ключевых факторов борьбы за власть и ресурсы стала информация. Перенос социальной деятельности в глобальные информационно-телекоммуникационные сети приводит к появлению транснациональных структур и политических объединений, которые оказывают влияние на государственные институты, а рост и развитие электронных массмедиа провоцирует раздвоение между восприятием виртуальной модели реальности и фактической ситуации [Прогнозируемые..., 2020, с. 152]. Современное общество подвергается перманентному влиянию идеологии, навязываемой в текстовой, графической и мультимедийной формах средствами массовой информации (СМИ) и контентом социальных сетей. В наши дни трудно не согласиться с утверждением одного из авторов теории электронных массмедиа М. Маклюэном о том, что «истинно тотальная война – это война посредством информации. Ее незаметно ведут электронные средства коммуникации. Это постоянная и жестокая война, в ней участвуют буквально все. Войнам в прежнем смысле слова мы отводим место на задворках вселенной» [Мадисон, 2011]. Само появление в 1951 г. в США термина «информационные войны» (Дж. Кеннан, Д. фон Нейман) базировалось на развитии средств пропаганды, осуществляемой в соответствии со специальными методиками транслирования информации, способами ее кодирования и преодоления технических помех. В 70-е гг. XX века М. Маклюэн предложил разделять средства коммуникации на «горячие» и «холодные». Под первыми он понимал радио, кино, ораторскую речь, обладающие свойствами суггестии с минимизацией критического переосмысливания адресатом сути сообщений, возбуждающие чувство «наполненности данными» («высокой определенности»), а под вторыми – повседневное общение и телевидение, предполагающие элементы интерактивности и активное участие аудитории [Маклюэн, 2003, с. 28–35].

Очевидно, что сама природа информационной войны сводится к дезинформации противника, т.е. информация играет лишь инструментальную роль субстрата, на котором формируются знания, аккумулирующие опыт человека, его понимание мироустройства и способов взаимодействия с окружающей средой. Так, среди текущих подходов к трансформации информационных войн Г.Г. Почепцов выделяет поведенческое, смысловое и когнитивное направления, нацеленные на применение методов рефлексивного управления поведением, конструирование концептуальной картины мира, форматирование реальности сквозь нужный вариант знаний и т.п. [Почепцов, 2016]. Иными словами, гибридность современных форм и способов концентрированного воздействия, многофакторность влияния информации на психику людей предопределили актуальность структурного анализа моделей речевого воздействия в цифровых реалиях эпохи глобализации.

Фундаментальные исследования языка как инструмента воздействия на психику людей и управления их поведением предопределили формирование в русле политической лингвистики нового междисциплинарного направления – лингвистики информационно-психологической войны (*далее* – ИПВ). В данной

публикации мы будем ориентироваться на предложенную А. П. Сковородниковым и Г. А. Копниной дефиницию ИПВ как «противоборства сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Сковородников, 2017, с. 13]. Говоря о дискурсивном измерении лингвистики ИПВ, отметим преобладающий в отечественном языкознании исследовательский акцент на язык СМИ, трактуемый как особый вид дискурса, целью которого является «не столько распространение информации, сколько оказание воздействия на общество» [Высоцкая, 2018, с. 39]. В парадигме современных войн за «умы и сердца» людей информационный аспект воздействия на сознание ассоциируется с дискурсивными практиками борьбы за власть, а также с «состоянием медиадискурса, которое заключается в последовательном и систематическом конструировании реальности, причиняющей вред какому-либо объекту и (или) его образу, функционирующему в медиадискурсе [Каблуков, 2017, с. 33]. Материальная форма ИПВ отождествляется нами с «дискурсивным конструктом, наличие которого осознается в результате конструирования соответствующей медиареальности» [Кушнерук, 2020, с. 31].

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что процессы упорядочивания информационного взаимодействия в массовой коммуникации осуществляются по системным алгоритмам, позволяющим формировать интердискурсивное пространство воздействия на сознание целевой аудитории (социальных и этноконфессиональных групп) путем оперативного конструирования лингвоинформационных моделей вокруг актуальных событий и явлений окружающей среды. Подчеркнем, что главная задача моделирования интердискурса – превентивное прогнозирование социальной активности объекта и управление его поведением.

Понятие «интердискурс» мы интерпретируем в свете феноменологии межтекстового взаимодействия (Ю. М. Лотман, Ю. Кристева, И. П. Смирнов), диалогичности текста (М. М. Бахтин, Ц. Тодоров), в русле изучения идеологий и дискурсивных практик социальных групп общества (Т. А. ван Дейк, О. С. Иссерс, О. Н. Паршина), идентификации в тексте вербальных маркеров, ксенопоказателей и прецедентных единиц (В. Ю. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. А. Горностаева, А. В. Колмогорова). Вслед за Е. В. Белоглазовой мы трактуем «интердискурсивность» как «столкновение, взаимодействие, взаимопроникновение дискурсов», которое «материализуется в текстах посредством системы маркеров, представляющих собой языковые средства, типичные, ядерные для сигнализируемого дискурса» [Белоглазова, 2009, с. 168]. Взгляд на процессы порождения и восприятия дискурса как последовательное «развертывание» ментальных пространств в русле теории концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер, И. Суитсер) и теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) позволяет объяснить, как посредством слияния ментальных пространств коммуникантов

интердискурсивного общения образуется новое интегрированное пространство, «в котором нейтрализуются одни виды исходных фреймов, усиливаются другие и создаются новые» [Ирисханова, 2001, с. 46]. Заметим, что когнитивный механизм метафоры эффективно используется субъектами ИПВ для умышленной реструктуризации целостной картины реального мира объектов воздействия, на базе которой осуществляется репрезентация и осмысление объемных и многоаспектных абстрактных явлений [Шибанова, 1999, с. 159], что воплощается в создании образов в дискурсивной парадигме постправды.

В рамках авторской концепции мы развиваем идею о том, что масштабированием поликодовых средств коммуникации в формат интердискурса ИПВ «обеспечивается согласованная по целям, задачам, месту и времени реализация в речи комплекса вербальных средств управления мышлением и поведением целевой аудитории» [Хабаров, 2021a]. По нашему мнению, для устойчивого обеспечения возможностей лингвокогнитивного манипулирования сознанием целевой аудитории в глобальном поликодовом медиaprостранстве моделируется интердискурсивная среда, служащая почвой для актуализации в СМИ лингвоинформационных моделей с заданными параметрами этнокогнитивного и социокультурного воздействия на целевую аудиторию. Исходя из возможности интегративного функционирования в одной социальной группе нескольких институциональных дискурсов и их разновидностей, мы предложили обозначить в терминологическом сочетании «интердискурс ИПВ» гетерогенную совокупность поликодовых текстов и речевых практик, объединенных общим замыслом и нацеленных на идеологическую трансформацию психики адресата, обосновав такие его функциональные характеристики, как эвокативность, иррациональность, аффективность, синергетичность, метафоричность и трансцендентность [Хабаров, 2021b, с. 85]. Таким образом, **интердискурс ИПВ как институциональный языковой феномен может быть дефинирован как перманентная макроструктурная единица, инкорпорирующая подкодировое единство жанрово-стилевых видов дискурсов, речевых практик и элементов невербальных знаковых систем (мемы, художественные образы, ритуальная символика и пр.) с целью комплексной коммуникативной реализации их воздействующего потенциала для деструктивной трансформации сознания реципиента, подавления у него способности к критическому восприятию действительности и последующего манипулирования его социальной деятельностью.** Интердискурс ИПВ моделируется акторами воздействия на основе конструируемых по их замыслу лингвоинформационных моделей, которые предлагают интерпретацию актуализируемых событий и явлений сквозь призму идеологически полярных дискурсивных практик, формирующих в сознании адресата альтернативные вербальные ассоциации с исходным ситуативным контекстом, текстовая «ткань» которого выступает инвариантной пропозиционной основой для лингвокогнитивного манипулирования, либо фабрикующих псевдореальную картину мира на почве циркулирующих в обществе стереотипов и мифов.

Наглядным примером интердискурса ИПВ могут служить речевые произведения пропагандистского толка в привязке к иерархичной системе их трансляторов, фигурирующие в кампании по переписыванию истории Второй мировой войны, когда на основе откровенной лжи и домыслов, путем замалчивания истины и искажения фактов в массмедиа проводится ресистематизация структур общего знания о подвиге советского народа, моделируются ложные фреймы о типизированных ситуациях, описывающих мотивы действий руководства СССР, сотрудников органов правопорядка и т.д. Сегодня синхронизированная циркуляция вербальных маркеров русофобской идеологии в политически ангажированных СМИ государств-членов блока НАТО наблюдается при интерпретации ими специальной военной операции России по денацификации и демилитаризации Украины:

1) Польский таблоид «Gazeta Wyborcza»: *Wojna na Ukrainie. <...> Putinowi wydaje się, że w ostatnich tygodniach został przez Zachód poniżony. A dyktator, który czuje się poniżony, jest niebezpieczny.* – «Война на Украине. <...> Путину кажется, что в последние недели он был унижен Западом. И диктатор, который чувствует себя униженным, опасен» [Rybak. – URL: <https://wyborcza.pl/0,128956.html?tag=wojsko&disableRedirects=true>] (*здесь и далее – перевод автора*).

2) Немецкий таблоид «Wirtschafts Woche»: *Putin hat schon in Georgien und bei der Annexion der Krim gezeigt, dass ihm Verträge und internationales Recht völlig egal sind. <...> Putin geht aufs Ganze, er will die gesamte Ukraine besetzen, einen souveränen Staat mit einem Krieg in die Knie zwingen und ihn seinem kruden Geschichtsbild folgend in den russischen Machtbereich eingliedern.* – «Владимир Путин уже в Грузии и при аннексии Крыма показал, что ему совершенно безразличны договоры и международное право. <...> Путин идет на все, он хочет оккупировать всю Украину, поставить суверенное государство на колени войной и, следуя своей грубой исторической картине, включить его в сферу российской власти» [Goffart. – URL: <https://www.wiwo.de/politik/europa/krieg-in-der-ukraine-die-bange-frage-lautet-wo-stoppen-putins-panzer/28101128.html>].

3) Американский таблоид «The New York Times»: *U.S. and Ukrainian Groups Pierce Putin's Propaganda Bubble. U.S.-backed news outlets and Ukrainian activists use Cold War techniques and high-tech tactics to get news about the war to Russians.* – «Американские и украинские (медийные) группы пробивают «путинский пропагандистский пузырь». Поддерживаемые США новостные агентства и украинские активисты используют методы холодной войны и тактику высоких технологий, чтобы донести новости о войне до россиян» [Barnes. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/13/us/politics/russia-propaganda-ukraine-war.html>].

Подобные фрагменты дискурсивных практик, описывающих в разноязычных СМИ социально значимые события, свидетельствуют о системном характере употребления единиц дискурса, обладающих схожими прагматическими и стилистическими характеристиками. В указанных примерах наблюдается коммуникативная стратегия дискредитации России и ее руководства в западном медиадискурсе, что маркируется такими словами-ассоциатами с (из) концептуального поля

«Россия», как «(Владимир) Путин», «аннексия (Крыма)», «оккупация», «пропагандистский пузырь» и пр. (примеры 1, 2, 3). Таким образом, целевой аудитории навязываются коннотативные значения пейоративного характера, что призвано сформировать у объектов воздействия устойчивые негативно-оценочные ассоциации со всем, что связано с образом России.

Отдельной мишенью воздействия субъектов ИПВ являются национальные лидеры, медийный образ которых подвергается демонизации и искажению морально-деловых качеств, присущих личности этих людей: «чувствует себя униженным», «опасен» (пр.1). Подобное речевое поведение западных СМИ прослеживается и по отношению к другим главам государств, которые выступают противниками западного мира:

4) *Dictator for life: Xi Jinping's power grab condemned as step towards tyranny*. – «Пожизненный диктатор»: захват власти Си Цзиньпином осужден как шаг к тирании» [Philips. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/26/xi-jinping-china-presidential-limit-scrap-dictator-for-life>].

5) *The Syrian dictator, Bashar al-Assad, has gassed the innocent, bombed hospitals and schools, and made thousands disappear*. – «Сирийский диктатор Башар Асад травил газом ни в чем не повинных людей, бомбил больницы и школы, уничтожил тысячи людей» [Peley. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/bashar-al-assad-syria-evidence-war-crimes-60-minutes-2021-02-21/>].

Навешивание английским изданием «The Guardian» политического ярлыка «тиран» на председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, демонизация американской телерадиокомпанией «CBS News» президента Сирии Б. Ашара – все эти коммуникативные действия в мировом интердискурсивном медиапространстве связаны со стратегией войны в концентрированной сфере, где информационно-психологическое воздействие должно быть организовано сообразно с прямыми и тайными методами ведения войны.

Базовой типологической **характеристикой** интердискурса ИПВ мы считаем идеологическую поляризацию, инициируемую путем манипулятивного навязывания объекту воздействия идей и ценностей, утверждающих редуционистическое восприятие окружающей действительности сквозь призму категорий «свой-чужой» с целью трансформации его языковой картины мира и управления образом взаимодействия с окружающей средой. Функциональные **критерии** идентификации интердискурсивных структур в поликодовом пространстве массовой коммуникации основываются на выявлении вербальных маркеров манипулятивного характера, сигнализирующих о реализации коммуникативных стратегий речевого воздействия. В контексте актуальных лингвистических исследований англоязычного поляризованного политического дискурса [Колмогорова, 2017] мы рассматриваем в качестве вербальных маркеров ИПВ те языковые единицы, которые реализуют прагматический потенциал ключевых стратегий управления – позитивной самопрезентации (эвфемизации «своих») и представления оппонента в негативном свете (дисфемизации «чужих»). В частности,

коммуникативно-дискурсивный анализ политических статей-стимулов позволил авторам эксперимента [Колмогорова, 2020] выявить шесть типов вербальных маркеров манипуляции, послуживших основой для дальнейшего статистического анализа выборок текстов, где к параметрам определения степени манипулятивности были отнесены военная терминология, тематическая лексика (*soviet*), антонимические аффиксы (*pro-*, *anti-*), слова со значением эмоций, чувств, политические реалии, прецедентные единицы [Там же, с. 79–81].

Иными словами, в интердискурсе ИПВ актуализируется воздействующий потенциал дифференцированных жанровых типов речевой деятельности, к примеру, политического дискурса с присущими ему «смысловой неопределенностью, фантомностью, фидеистичностью, эзотеричностью и театральностью» [Чудинов, 2012]. В целях лингвокогнитивного манипулирования актерами воздействия используются тексты художественной литературы, насыщенные изобразительными средствами и стилистическими фигурами, разговорные практики общения в социальных сетях и блогосфере с характерными для них просторечными оборотами и вульгаризмами, приемами астротурфинга, анонимизации адресанта, а также другие адаптивные формы вербальной коммуникации. Как показали квантитативные исследования официального дискурса глав исполнительной власти США и Британии, представленные в трудах С. И. Репко, политический дискурс может быть отождествлен с «вторичной номинацией табуированного на Западе понятия «идеологический дискурс», а речевые выступления западных политиков в зависимости от характера актуализации парадигмальных концептов классифицируются автором по шести типам: шовинистический, глобалистский (военный), популистский, экономический, финансовый, религиозный [Репко, 2021, с. 72–73].

В свете сказанного предложенная М. М. Бахтиным дифференциация речевых жанров на первичные (бытовой диалог, частное письмо) и вторичные – «высокоразвитые», «сложные» жанры (литературные произведения, научные исследования) может быть транспонирована в дискурсивное пространство ИПВ. Рассуждая о речевом общении как о социокультурном явлении, М. М. Бахтин отмечал: «Различие между первичными и вторичными (идеологическими) жанрами чрезвычайно велико и принципиально <...> Самое взаимоотношение первичных и вторичных жанров и процесс исторического формирования последних проливают свет на природу высказывания (и прежде всего на сложную проблему взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения)» [Бахтин, 1986, с. 252–253]. Говоря об интердискурсе ИПВ как о системно-структурном образовании, мы делаем исследовательский акцент на наличии общего замысла у разнородных по этническому, культурному и социальным параметрам акторов, что манифестируется в их речевой деятельности при помощи вербальных маркеров идеологии. К примеру, в приведенной нами парадигме дисфемизации политики России западным медиасообществом активную роль «периферийных коммуникантов» играют украинские политические лидеры и рядовые журналисты:

6) Президент Украины В. А. Зеленский: «Жестокость, с которой российские войска пытаются завоевать Приазовье, Донбасс, Харьков, лишь добывает даже минимальные шансы этих территорий и этих людей хоть когда-нибудь в будущем иметь какие-либо связи с тем государством. Россия навсегда проиграла Украину. Россия проиграла весь мир. Ее уже нигде не воспринимают» [Chirciu. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/зеленский-россия-навсегда-потеряла-украину/2564933>].

Тожественные русофобские мотивы присутствуют и на прозападных каналах китайских блогеров, вещающих на многотысячную аудиторию хостинга Youtube. К примеру, типовые по прагматическому содержанию передачи периодически появляются на канале популярного китайского стримера **Эдгара Лу** с ником «Сиднейский папочка» (悉尼奶爸), который использует комбинированную модель смешивания антироссийских нарративов и коммуникативных тактик очернения и диффамации политики официального Пекина:

7) 对话在澳洲支持乌克兰的俄奸：我也曾是普京的小迷弟；中共如果打台湾，华人会比我们更惨 – «Интервью с российским перебежчиком, который выражает поддержку Украине в Австралии: раньше я сам отчасти был поклонником Путина; если КПК (Коммунистическая партия Китая – прим. автора) ударит по Тайваню, китайцам будет хуже, чем нам» [悉尼奶爸. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JNtj-ccFGEQ>].

Опираясь на бахтинскую теорию диалогичности текста, мы развиваем концепцию «многоголосия» в политическом дискурсе (А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева), которая «обосновывает феноменологию «полифонии голосов», накладывающихся друг на друга и артикулирующих определенные политические идеи, и рассчитана на формирование определенного образа реальности, государства или личности» [Колмогорова, 2021, с. 43]. Потенциал трансляции идеологизированной информации в массы сосредоточен на вершине коммуникативной модели интердискурсивной среды, откуда от акторов первого порядка системно распространяется информационный импульс на голоса второго, третьего и последующих уровней. Традиционно в качестве акторов первого порядка в современном мире воспринимаются должностные лица и структуры, располагающиеся на олимпе социальной иерархии, – лидеры стран и главы правительств, руководители корпораций и пр., связанные руководящими отношениями с соответствующими институтами государственной власти, исследовательскими центрами, от мнения которых отталкиваются разного рода профессиональные эксперты, исследователи и т. д. В то же время уникальной особенностью цифровой медиасреды сегодняшнего дня является ее способность создавать виртуальную лингвоинформационную ситуацию, в которой голосами первого порядка могут выступать акторы, находящиеся на самых различных уровнях социальной иерархии, к примеру представители блогосферы на просторах Интернета. Заметим, что в условиях цифровой реальности коммуникативная деятельность акторов сетевого пространства обладает магнифицированным потенциалом воздействия, способным эффективно влиять на массовое сознание и поведение отдельных групп

общества. Таким образом, «актерами вне суверенитета», действующими в «серой зоне» цифровой реальности, могут быть военно-политические блоки, террористические и экстремистские группировки, частные военные компании, спонтанно организованные социальные движения, отдельные личности (самозванные «лидеры мнений», «хакеры» и пр.) [Бартош, 2021].

На наш взгляд, одним из важнейших факторов интердискурсивного воздействия на целевую аудиторию является такая функциональная характеристика современных средств массовой коммуникации, как **трансцендентность** информационного контента. Обилие каналов и способов передачи информации, форм и методов ее доведения до целевой аудитории, вовлеченность в коммуникативный процесс большого количества акторов с их дифференцированными подходами, стилями изложения, культурным уровнем и социальным статусом – все это образует коммуникативное пространство, позволяющее эффективно влиять на реакцию и поведение адресата. Трансформация идеологической основы жизнедеятельности объекта воздействия (целевой аудитории) для последующего управления его социальной активностью является ключевой задачей моделирования в медиапространстве интердискурсивной среды как реальных событий и ситуаций, так и умышленно сфабрикованных. Во времена тотальной глобализации темпы и масштабы формирования в массмедиа лингвоинформационных моделей, образующихся путем актуализации идеологических дискурсов, растут пропорционально скорости распространения информационных потоков. Процессы индоктринации обеспечиваются устойчивым функционированием в речи акторов вербальных маркеров идеологии, градуированных по тематическим сферам употребления, семантико-структурным параметрам, жанрово-стилистической окраске и прагматическому потенциалу.

Генезис цветных революций на политической карте мира иллюстрирует, что инспирирование социальной агрессии сопровождается задействованием технических возможностей массовых манипуляций в социальных сетях. При этом акторы «снизу» обладают большей воздействующей силой, чем голоса официальной власти «сверху», что обуславливается современными коммуникационными технологиями. На наш взгляд, эффективные методики противоборства должны включать паритетное реагирование контр-актеров, поскольку одни лишь методы технического блокирования и цензуры не могут эффективно обеспечить безопасность общества от угроз в концентриальной сфере. Так, история конфликтов низкой интенсивности начала XXI века в странах постсоветского пространства, Ближнего Востока и Северной Африки показывает, что импульс массовых волнений инициируется актерами в социальных низах, активируя рядовых участников коммуникации на дискредитацию доминирующего в массовом сознании основ «общего знания» в виде теологических постулатов, культурных стереотипов, литературных образов и др. Подобная модель социальной агрессии побуждает всех членов общества подсознательно отождествлять себя с массами, отбрасывая статусные различия и классовые признаки. В частности, процесс развала Совет-

ского Союза сопровождался применением тождественных технологий формирования благоприятной лингвокогнитивной среды для дискурсивного воздействия с целью привития объектам индоктринации новых духовных идеалов и морально-нравственных доминант с последующим переосмыслением догм традиционного уклада и системы ценностей.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что практическое применение языковых средств в качестве информационного оружия обуславливает функционирование идеологически поляризованных речевых продуктов в виде поликодового интердискурса как эффективного средства вербальной индоктринации объектов воздействия в условиях цифровой реальности. Перманентное функционирование в массовой коммуникации заданных параметров интердискурсивного поля обеспечивает стабильные возможности лингвокогнитивного манипулирования сознанием целевой аудитории, позволяющего актору осуществлять превентивные действия по регулированию поведения объекта. Идентификация диверсифицированных способов моделирования интердискурса ИПВ в глобальных масмедиа с задействованием вербальных маркеров идеологии, техник лингвокогнитивного манипулирования, поляризации речи и развязывания конфронтационной риторики с учетом этнокультурной специфики языкового сознания коммуникантов позволяет констатировать фактическое состояние и перспективы развития современных средств противоборства в консциентальной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартош, А. А. Гибридная, скрытная, непредсказуемая. От Геббельса и Мюнценберга к современным информационным битвам. Независимое военное обозрение / А. А. Бартош // Новости ВПК. – URL: https://vpk.name/news/531789_gibridnaya_skrjtnaya_nepredskazuemaya.html / (Дата обращения: 29.01.2022).

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1986. – 445 с.

Белоглазова, Е. В. К вопросу о создании таксономии междискурсивных отношений / Е. В. Белоглазова // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век: Сборник научных статей (Под общ. ред. д-ра филол. наук В. Е. Чернявской и д-ра филол. наук С. Т. Золяна). – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ГУЭФ. Изд-во «Лингва», 2009. – С. 163–178.

Высоцкая, И. В. К проблеме периодизации языка современных российских СМИ / И. В. Высоцкая, Н. Е. Петрова // Вопросы журналистики. – 2018. – № 3. – С. 36–47.

Ирисханова, О. К. О теории концептуальной интеграции / О. К. Ирисханова // Известия АН. Сер. лит. и языка. – 2001. – Т. 60. – № 3. – С. 44–49.

Каблуков, Е. В. «Информационная война» как дискурсивный компонент в российских СМИ / Е. В. Каблуков // Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: монография / под ред. Э. В. Чепкиной. Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – С. 30–52.

Колмогорова, А. В. Разработка компьютерной программы автоматического анализа и классификации поляризованных политических текстов на английском языке по уровню их манипулятивного воздействия: практические результаты и обсуждение / А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева, А. А. Калинин // Политическая лингвистика. – 2017. – № 4 (64). – С. 67–75.

Колмогорова, А. В. Вербальные маркеры манипуляции в текстах информационно-психологической войны. / А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсева [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – С. 73–98.

Колмогорова, А. В. Все ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ / А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева // Политическая лингвистика. – 2021. – № 1 (85). – С. 41–49.

Кушнерук, С. Л. Основные направления развития российской лингвистики информационно-психологической войны / С. Л. Кушнерук // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсева [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – С. 20–43.

Мадисон, А. Маршалл Маклюэн и информационные войны / А. Мэдисон. – 2011. – URL: <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-i-informacionnye-vojni/> (Дата обращения: 29.01.2022).

Маклюэн, М. Г. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Г. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. – Москва; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

Почепцов, Г. Г. Пять новых направлений трансформации информационной войны: реализованные подходы / Г. Г. Почепцов. – 2016. – URL: <https://ms.detector.media/mediaanalitika/post/17164/2016-08-07-pyat-novykh-napravlenyuy-transformatsyy-unformatsyonnoy-voyny-realyzovannye-podkhody/> (Дата обращения: 29.01.2022).

Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общей ред. А. С. Коржевского. – Москва: Изд-во РГГУ, 2021. – 562 с.

Репко, С. И. Основные концепты официального дискурса глав исполнительной власти США и Британии / С. И. Репко // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XXXII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2021. – С. 58–75.

Сковородников, А. П. Информационно-психологическая война и ее релевантные признаки / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсева [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – С. 8–15.

Хабаров, А. А. Диалогичность в текстах и речевых практиках интердискурса информационно-психологической войны / А. А. Хабаров // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021(а). – № 65. – С. 22–45.

Хабаров, А. А. Функциональные критерии интердискурса информационно-психологической войны / А. А. Хабаров // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2021(б). – № 2. – С. 81–96.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – Москва: Флинта, 2012. – 252 с.

Шибанова, Е. Л. Концептуальная метафора: Направления в исследовании / Е. Л. Шибанова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 6: Языкознание. Вып. 1. – Москва: ИНИОН РАН, 1999. – С. 158–176.

Barnes, J. E. How US and Ukrainian Groups Pierce Putin’s Propaganda Bubble / J. E. Barnes, E. Wong // www.nytimes.com [сайт]. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/13/us/politics/russia-propaganda-ukraine-war.html> (Дата обращения: 20.04.2022).

Chirciu, D. Зеленский: Россия навсегда потеряла Украину / D. Chirciu // www.aa.com.tr [сайт]. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/зеленский-россия-навсегда-потеряла-украину/2564933> (Дата обращения: 20.04.2022)

Pelley, S. The evidence of Syrian President Bashar Assad and his regime’s legacy of war crimes / Scott Pelley // www.cbsnews.com [сайт]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/bashar-al-assad-syria-evidence-war-crimes-60-minutes-2021-02-21/> (Дата обращения: 20.04.2022)

Philips, T. ‘Dictator for life’: Xi Jinping’s power grab condemned as step towards tyranny / Tom Phillips // www.theguardian.com [сайт] – URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/26/xi-jinping-china-presidential-limit-scrap-dictator-for-life> (Дата обращения: 20.04.2022)

Rybak, M. Generał wywiadu Jarosław Stróżyk dla “Wyborczej”: Putin realizuje najgorszy scenariusz. Najgorszy również dla siebie. / M. Rybak // wyborcza.pl [сайт]. – URL: <https://wyborcza.pl/0,128956.html?tag=wojsko&disableRedirects=true> (Дата обращения: 20.04.2022)

悉尼奶爸。对话在澳洲支持乌克兰的俄奸④：我也曾是普京的小迷弟；中共如果打台湾，华人会比我们更惨/ 悉尼奶爸 // YouTube [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JNtj-ccFGEQ> (Дата обращения: 20.04.2022)

REFERENCES

Bartosh, A. A. Gibridnaya, skrytnaya, nepredskazuemaya. Ot Gebbel’sa i Myuncenberga k sovremennym informacionnym bitvam. Nezavisimoe voennoe obozrenie / A. A. Bartosh // Novosti VPK. – URL: https://vpk.name/news/531789_gibridnaya_skrytnaya_nepredskazuemaya.html / (Data obrashcheniya: 29.01.2022).

Bahtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bahtin. – Moskva: Iskusstvo, 1986. – 445 s.

Beloglazova, E. V. K voprosu o sozdanii taksonomii mezhdiskursnyh otnoshenij / E. V. Beloglazova // YAzyk v paradigmah gumanitarnogo znaniya: XXI vek: Sbornik nauchnyh statej (Pod obshch. red. d-ra filol. nauk V.E. CHernyavskoj i d-ra filol. nauk S. T. Zolyana). – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb GUEF. Izd-vo «Lingva», 2009. – С. 163–178.

Chudinov, A. P. Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie / A.P. CHudinov. – Moskva: Flinta, 2012. – 252 s.

Habarov, A.A. Dialogichnost' v tekstah i rechevyh praktikah interdiskursa informacionno-psihologicheskoy vojny / A.A. Habarov // Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2021(a). – № 65. – S. 22–45.

Habarov, A.A. Funkcional'nye kriterii interdiskursa informacionno-psihologicheskoy vojny / A.A. Habarov // Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. – 2021(b). – № 2. – S. 81–96.

Iriskhanova, O. K. O teorii konceptual'noj integracii / O.K. Iriskhanova // Izvestiya AN. Ser. lit. i yazyka. – 2001. – T. 60. – № 3. – S. 44–49.

Kablukov, E. V. «Informacionnaya vojna» kak diskursivnyj komponent v rossijskikh SMI / E.V. Kablukov // Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem koncepta «informacionnaya voïna»: monografiya / pod red. E.V. CHepkinoï. Moskva-Ekaterinburg: Kabinetnyï uchenyi, 2017. – S. 30–52.

Kolmogorova, A.V. Razrabotka komp'yuternoj programmy avtomaticheskogo analiza i klassifikacii polyarizovannyh politicheskikh tekstov na anglijskom yazyke po urovnyu ih manipulyativnogo vozdejstviya: prakticheskie rezul'taty i obsuzhdenie / A.V. Kolmogorova, YU.A. Gornostaeva, A.A. Kalinin // Politicheskaya lingvistika. – 2017. – № 4 (64). – S. 67–75.

Kolmogorova, A.V. Verbal'nye markery manipulyacii v tekstah informacionno-psihologicheskoy vojny / A.V. Kolmogorova, YU.A. Gornostaeva // Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografiya. Kn. III / A.A. Bernackaya, YU.A. Gornostaeva, I.V. Evseeva [i dr.]; pod red. prof. A.P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2020. – S. 73–98.

Kolmogorova, A.V. Vse li mogut koroli? ili Strategii legitimacii ispanskoj monarii v politicheskom mediadiskurse SMI / A.V. Kolmogorova, YU. A. Gornostaeva // Politicheskaya lingvistika. – 2021. – № 1 (85). – S. 41–49.

Kushneruk, S.L. Osnovnye napravleniya razvitiya rossijskoj lingvistiki informacionno-psihologicheskoy vojny / S.L. Kushneruk / Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografiya. Kn. III / A.A. Bernackaya, YU.A. Gornostaeva, I.V. Evseeva [i dr.]; pod red. prof. A.P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2020. – S. 20–43.

Madison, A. Marshall Maklyuen i informacionnye vojny [Elektronnyj resurs] / A. Medison. – 2011. – URL: <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-i-informacionnye-vojny/> (Data obrashcheniya: 29.01.2022)

Maklyuen, M.G. Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka / M.G. Maklyuen; per. s angl. V. Nikolaeva. – Moskva; ZHukovskij: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2003. – 464 s.

Pochepcov, G. G. Pyat' novyh napravlenij transformacii informacionnoj vojny: realizovannye podhody / G. G. Pochepcov. – 2016. – URL: <https://ms.detector.media/mediaanalitika/post/17164/2016-08-07-pyat-novykh-napravlenyy-transformatsyy-yformatsyonnoj-voyny-realyzovannye-podkhody/> (Data obrashcheniya: 29.01.2022).

Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravleniya ih nejtralizacii / pod obshej red. A. S. Korzhevskogo. – Moskva: Izd-vo RGGU, 2021. – 562 s.

Repko, S. I. Osnovnye koncepty oficial'nogo diskursa glav ispolnitel'noj vlasti SSHA i Britanii / S. I. Repko // EUROPEAN RESEARCH: sbornik statej XXXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie», 2021. – S. 58–75.

Skovorodnikov, A. P. Informacionno-psihologicheskaya vojna i ee relevantnye priznaki. / A. P. Skovorodnikov, G. A. Kopnina // Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografiya. Kn. III / A. A. Bernackaya, YU. A. Gornostaeva, I. V. Evseeva [i dr.]; pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2020. – S. 8–15.

Shibanova, E. L. Konceptual'naya metafora: Napravleniya v issledovanii / E. L. Shibanova // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Referativnyj zhurnal. Seriya 6: YAzykoznanie. Vyp. 1. – Moskva: INION RAN, 1999. – S. 158–176.

Vysockaya, I. V. K probleme periodizacii yazyka sovremennyh rossijskih SMI / I. V. Vysockaya, N. E. Petrova // Voprosy zhurnalistiki. – 2018. – № 3. – S. 36–47.

Barnes, J. E. How US and Ukrainian Groups Pierce Putin's Propaganda Bubble / J. E. Barnes, E. Wong // www.nytimes.com [sajt]. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/13/us/politics/russia-propaganda-ukraine-war.html> (Data obrashcheniya: 20.04.2022).

Chirciu, D. Zelenskij: Rossiya navsegda poteryala Ukrainu / D. Chirciu // www.aa.com.tr [sajt]. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/mir/zelenskij-rossiya-navsegda-poteryala-ukrainu/2564933> (Data obrashcheniya: 20.04.2022)

Goffart, D. Die bange Frage lautet: Wo stoppen Putins Panzer? / D. Goffart // www.wiwo.de [sajt]. – URL: <https://www.wiwo.de/politik/europa/krieg-in-der-ukraine-die-bange-frage-lautet-wo-stoppen-putins-panzer/28101128.html> (Data obrashcheniya: 20.04.2022)

Pelley, S. The evidence of Syrian President Bashar Assad and his regime's legacy of war crimes / Scott Pelley // www.cbsnews.com [sajt]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/bashar-al-assad-syria-evidence-war-crimes-60-minutes-2021-02-21/> (Data obrashcheniya: 20.04.2022)

Philips, T. 'Dictator for life': Xi Jinping's power grab condemned as step towards tyranny / T. Phillips // www.theguardian.com [sajt]. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/26/xi-jinping-china-presidential-limit-scrap-dictator-for-life> (Data obrashcheniya: 20.04.2022)

Rybak M. Generał wywiadu Jarosław Stróżyk dla «Wyborczej»: Putin realizuje najgorszy scenariusz. Najgorszy również dla siebie / M. Rybak // wyborcza.pl [sajt]. – URL: <https://wyborcza.pl/0,128956.html?tag=wojsko&disableRedirects=true> (Data obrashcheniya: 20.04.2022)

悉尼 . 对话在澳洲支持乌克兰的俄奸④：我也曾是普京的小迷弟；中共如果打台湾，华人会比我们更惨 [Elektronnyj resurs] / 悉尼 // YouTube [sajt]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JNtj-ccFGEQ> (Data obrashcheniya: 20.04.2022)